

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКИХ
ВОЙСК РУМЫНСКОГО ФРОНТА В 1917 ГОДУ

THE MORAL-PSYCHOLOGICAL STATE OF RUSSIAN TROOPS
ON THE ROMANIAN FRONT IN 1917

Валерий СУРЯЕВ

Научно-исследовательский институт
Вооруженных Сил Республики Беларусь
sverbihin7@mail.ru

Rezumat: Starea psihologico-morală a trupelor ruse de pe Frontul Român în 1917

În articol se examinează starea psihologico-morală a armatei ruse din ultima etapă a existenței ei, când în Rusia au început unele transformări fundamentale, generate de revoluțiile din Februarie și Octombrie. Se menționează că problema dată este slab cercetată atât în istoriografia occidentală, cât și în cea rusă. O atenție primordială este acordată trupelor Frontului Român care avea în componența sa atât trupe ruse, cât și române. În baza unor exemple concrete este oglindit procesul destrămării armatei ruse, impactul lui negativ asupra capacității de luptă a unităților ei. Sunt enumerate cauzele interne care au contribuit la defalcarea personalului militar și în primul rând – politica legislativă a autorităților, politică care nimicea fundamentul organizatoric al vieții militare.

Abstract: *The article deals with the morale of the Russian army in the last period of its existence, when Russia began a fundamental change caused by the February and October revolutions. It is noted that this issue is still little studied not only foreign, but also in the national historiography. The focus is on the front of the Romanian troops, which had in its composition as a Russian, and Romanian troops. On concrete examples, it is showing the process of decomposition of the Russian army, its influence on the reduction of the combat capability of units and formations. Lists the internal reasons, promote the decomposition of personnel, reveals one of them - the legislative policy of the authorities, and destroys organizational foundations of army life.*

Résumé : Moral des troupes russes avant roumaine en 1917

L'article traite le moral de l'armée russe dans la dernière période de son existence, quand la Russie a commencé un changement fondamental causé par les révolutions de février et d'octobre. Il est à noter que cette question est encore peu étudiée non seulement étrangère, mais aussi dans l'historiographie nationale. L'accent est mis sur le front des troupes roumaines, qui avaient dans sa composition comme un Russe, et les troupes russes. Sur des exemples concrets montrant le processus de décomposition de l'armée russe, son influence sur la réduction de la capacité de combat des unités et des formations. Énonce les raisons internes, favorisent la décomposition du personnel, révèle l'un d'eux - la politique législative des autorités, détruit les fondations de l'organisation de la vie militaire.

Keywords: *Soldiers, Russian army, revolution, morale, the decomposition, the combat capability*

Вступление

Научные исследования морально-психологического состояния русской армии в годы Первой мировой войны в СССР практически не проводились. Проблема рассматривалась с точки зрения интересов революционного движения и правящей партии, потому, что одним из принципов советской исторической науки являлся принцип партийности. Даже массовые девиации в поведении военнослужащих, широко распространившиеся в 1917 году и отражавшие духовно-нравственный кризис в войсках, считались положительным явлением. «...Дезертирство, саморанения, избиения и оскорбления офицерства, отказ идти в наступление во время войны...все это суть различные формы классовой борьбы»¹.

Подобные оценки являлись характерными, так как разложение армии, согласно господствовавшей в то время точке зрения, свидетельствовало о сознательности солдат, поддержке ими революционных идей, раскрывало «...величественную картину революционной борьбы российского пролетариата, большевистской партии за армию...»².

---

¹ И.Г. Кизрин, *Распад старой армии* [The collapse of the old army], Воронеж, издательство «Коммуна», 1931, с. 10.

² Е. П. Воронин, Л.М. Гаврилов, Т.Ф. Кузьмина (составители), *Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сборник документов* [The

Несмотря на то, что издавались сборники документов, описывавшие крайне негативную морально-психологическую атмосферу в войсках³, излагавшиеся в них факты и события трактовались историками в аналогичном ключе. Представляется, что подобный узкопартийный подход не способствовал объективности и всесторонности исследований.

Труды, выходящие в последние годы, отличаются большей степенью объективности⁴. В то же время, в данных работах морально-психологические проблемы не являются предметом исследования, а лишь затрагиваются в контексте военных действий.

Определенное внимание этой проблеме уделялось некоторыми русскими военачальниками, оказавшимися после гражданской войны в эмиграции⁵. В их работах предприняты попытки осмысления причин и последствий

October Revolution and the army. October 25, 1917 – March, 1918: collection of documents], Москва, издательство «Наука», 1973, с. 5.

³ *Разложение армии в 1917 году: сборник документов* [The decomposition of the army in 1917: collection of documents], под ред. М.Н. Покровского, Москва – Ленинград, Государственное издательство, 1925; *Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов* [The revolutionary movement in the Russian army. February 27 – 24 October 1917: collection of documents], под ред. Л.С. Гапоненко, Москва, издательство «Наука», 1968; *Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г.: сборник документов* [The revolutionary movement in the army and navy during the First World War. 1914 – February 1917.: collection of documents], под ред. А. Л. Сидорова, Москва, издательство «Наука», 1966 и др.

⁴ Е.С. Сенявская, *Психология войны в XX веке. Исторический опыт России* [The psychology of war in the twentieth century. The historical experience of Russia], Москва, издательство «Российская политическая энциклопедия», 1999; С.Н. Базанов, *Великая война: как погибала Русская армия* [The Great War: as a dying Russian army], Москва, издательство «Вече», 2014; М.В. Оськин, *Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы* [Unknown tragedy of the First World War. The POWs. Deserters. Refugees], Москва, издательство «Вече», 2014; Е.С. Сенявская, *Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century. Evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society], Москва, издательство «РОССПЭН», 2006; И.Н. Гребенкин, *Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг.* [Russian officer during World War I and the Revolution. Of 1914-1918], Рязань, издательство Рязанского государственного университета, 2010 и др.

⁵ Н.Н. Головин, *Наука о войне. О социологическом изучении войны* [The science of war.

разложения русской армии, происшедшего в годы мировой войны.

В западной историографии история русской армии периода 1914 – 1918 гг. долгое время почти не исследовалась. Что касается морально-психологического фактора, то о нем лишь упоминалось в мемуарах германских военачальников и некоторых других участников боевых действий⁶. В XXI столетии положение стало изменяться, в европейских странах и США вышел ряд трудов, посвященных действиям русской армии в Первой мировой войне⁷. В то же время, поднимаемая в данной статье проблема рассматривается в них лишь эпизодически. Между тем, еще Наполеон подчеркивал значение морального фактора: «Во всяком военном предприятии успех на три четверти зависит от данных морального порядка и только на одну четверть от материальных сил»⁸.

В предлагаемой вниманию читателей статье предпринимается попытка рассмотреть морально-психологическое состояние русских войск

On a sociological study of the war], Париж, издательство газеты «Сигнал», 1938; Н.Н. Головин, *Военные усилия России в мировой войне* [Russian military forces in World War], Париж, Товарищество объединённых издателей, 1939; Ю.Н. Данилов, *Россия в мировой войне. 1914 – 1915 гг.* [Russia in World War. 1914 – 1915 years], Берлин, книгоиздательство «Слово», 1924; А.И. Деникин, *Очерки русской смуты* [Essays on Russian Troubles], Париж, издательство Поволоцкого, 1921, том 1 и др.

⁶ Э. Людендорф, *Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг.* [My memories of the war 1914 - 1918 years], перевод с немецкого А.А. Свечина, Москва, издательство «Вече», 2014; П. фон Гинденбург, *Из моей жизни* [From My Life], перевод с немецкого, Москва, издательство «Принципум», 2013; Э. фон Фалькенгайн, *Верховное командование 1914-1916 в его важнейших решениях* [The High Command in 1914 –1916 the most important decisions], перевод с немецкого А.Е. Снесарева, Москва, Высший военный редакционный совет, 1923; В. Бекман, *Немцы о Русской армии* [The Germans on the Russian army], перевод с немецкого В.В. Чернавина, Прага, 1939 и др.

⁷ Gatrell P., *Russia's First World War: A Social and Economic History*, Edinburgh Gate, Harlow, 2005; Rielage D.C., *Russian Supply Efforts in America During the First World War*, London, 2002; Holquist P., *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914 – 1921*, Cambridge (MA), 2002; Fuller W.C., Jr. *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of the Imperial Russia*, Ithaca, London, 2006; Stoff L.S. *They Fought for the Motherland: Russia's Women's Soldiers in World War I and the Revolution*, Lawrence, 2006; Sanborn J.A., *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905 – 1925*, DeKalb, 2003; McMeekin S., *The Russian Origins of the First World War*, Cambridge (MA), 2011 и др.

⁸ *Военная энциклопедия* [Military Encyclopedia], Санкт-Петербург, 1912, Т. 6, С. 479.

в 1917 году, в течение которого в жизни армии произошли радикальные перемены. Внимание акцентируется на войсках Румынского фронта, однако проблема рассматривается в контексте положения дел во всей действующей армии.

Образование Румынского фронта

17 августа 1916 г. был заключен договор о союзе между Россией, Францией, Великобританией, Италией и Румынией. Кроме того, была подписана русско-румынская военная конвенция, где указывалось, что Румыния обязуется мобилизовать свои морские и сухопутные силы и не позже 28 августа начать наступательные действия против Австро-Венгрии. В свою очередь, русская армия должна была «действовать самым энергичным образом» на австрийском фронте, чтобы обеспечить действия Румынии. В числе прочего, планировались наступательные действия русских войск в Буковине, определялись задачи русскому флоту, намечались меры по снабжению румынских войск. В период проведения мобилизации румынской армии Россия обязывалась направить «...в Добруджу две пехотные дивизии и одну кавалерийскую для совместных действий с румынской армией против болгарской армии»⁹.

По мобилизационному расписанию Румыния выставляла 25 дивизий, общей численностью около 400 000 человек. Во взаимодействии с русскими войсками и союзными войсками Салоникского фронта румынская армия должна была нанести удар по Болгарии и вывести ее из войны. Выступление Румынии на стороне Антанты представляло серьезную опасность для стран германского блока, так как открывалась возможность совместных действий русско-румынских войск к югу от Дуная и английских, французских, сербских и итальянских войск со стороны Салоник по сходящимся направлениям. Для наступления против Румынии Берлину пришлось снимать войска с других фронтов, в том числе, с Западноевропейского театра войны, где шли напряженные бои¹⁰.

---

⁹ *Русско-румынская военная конвенция 1916 г.* [Russian-Romanian military convention 1916], in Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел [The collection of secret documents from the archives of the former Ministry of Foreign Affairs], ответственный редактор Н. Маркин, Петроград, типография комиссариата по иностранным делам, декабрь 1917 г., № 3, с. 81–82.

¹⁰ А. А. Строков, *Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне* [The

Большая часть румынских войск находилась на границе с Трансильванией, операцию, по овладению которой они начали 28 августа. Поддержку румынам оказывала 9-я армия русского Юго-Западного фронта. Первоначально русско-румынским войскам удалось добиться некоторых успехов, но вскоре германское командование сосредоточило значительные силы и нанесло удары сначала в Добрудже, а затем в Трансильвании. Германские и австро-венгерские войска вторглись в Валахию, захватили Бухарест и оттеснили румынскую армию на восток, нанеся ей значительные потери¹¹.

Следует отметить: несмотря на достигнутые успехи, противнику не удалось вывести Румынию из войны. Более того, даже находясь в сложном положении, румынские войска сумели внести свой вклад в коалиционные действия Антанты. Как отмечал один из высших германских военачальников генерал Э. Людендорф, «мы разбили румынскую армию, но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми, до вступления в войну Румынии, мы могли располагать на восточном и западном фронтах, а также в Македонии»¹².

10 октября представители Румынии обратились в русскую Ставку с просьбой о помощи. Для оказания поддержки союзнице русское командование перебросило значительные силы – 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. К концу 1916 – началу 1917 года продвижение сил противника удалось остановить на линии Браила – Фокшаны – Окна – Дорна-Ватра. Тогда же был образован новый фронт – Румынский, проходивший от Буковины по Молдавским Карпатам, рекам Серет и Дунай до Черного моря. Общая его протяженность достигала почти 500 километров. Главнокомандующим фронтом номинально являлся король Румынии Фердинанд I, оперативное управление войсками осуществлял помощник главнокомандующего русский генерал от кавалерии В.В. Сахаров, которого в апреле 1917 года сменил генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев. В состав фронта первоначально входили две русские и одна

---

armed forces and the art of war in World War I], Москва, Воениздат, 1974, с. 414.

¹¹ Н. А. Таленский, *Первая мировая война 1914 – 1918 гг.* [The First World War 1914 – 1918], Москва, государственное издательство политической литературы, 1944, С. 66.

¹² Э. Людендорф, *указ. соч.*, с. 268.

румынская армия, к лету 1917 года – три русские и две румынские армии. В августе фронту была передана еще одна русская армия, увеличилось количество резервных корпусов¹³.

Морально-психологическая обстановка в войсках Румынского фронта в 1917 году

После отступления русско-румынских войск в 1916 году верховное командование русской армии пришло к выводу, что в сложившейся ситуации Румынский фронт не может решить стратегическую задачу – разгромить Болгарию. Поэтому в соответствии с планом операций на 1917 год, разработанном русской Ставкой, перед фронтом ставилась частная задача – захватить Добруджу¹⁴. Наступательные действия войск Румынского фронта (а также Западного и Северного фронтов) должны были приковать к себе максимальное количество сил противника, чтобы облегчить действия Юго-Западного фронта, наносившего главный удар.

Однако планы Ставки были нарушены Февральской революцией 1917 года. Начало наступления, первоначально планировавшееся на май, неоднократно переносилось, ввиду стремительного разложения русской армии. О причинах этого явления будет сказано далее, здесь же отметим некоторые проявления морально-психологической деградации войск.

Уже в первые недели после революции «...солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, беспрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой и, отказываясь выполнять приказы»¹⁵. Многократно увеличилось количество дезертиров, обычным явлением стал отказ частей и соединений выполнять боевые задачи, повсеместное распространение получил самовольный уход войск с занимаемых позиций. Случаи неповиновения солдат своим командирам приобрели массовый характер, в отношении офицеров был развязан настоящий террор, вплоть до убийств. Значительная часть нижних чинов превыше всего поставила сохранение собственной жизни и стремилась избежать

---

¹³ К. А. Залесский, *Первая мировая война. Энциклопедия* [World War I. Encyclopaedia], Москва, издательство «ФИВ», 2014, часть 2, С. 604 – 605.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (*infra* РГВИА) [Russian State Military History Archive], фонд 2003, оп.1, д. 63, л. 284.

¹⁵ А.Ф. Керенский, *Россия на историческом повороте. Мемуары* [Russia at the historic turn. Memoirs], Москва, издательство «Республика», 1993, с. 180.

участия в боевых действиях. Именно поэтому огромной поддержкой пользовались лозунги о заключении мира, в том числе, провокационно выдвигавшиеся германской стороной.

Один из русских генералов характеризовал ситуацию следующим образом: «Фронт представлял зрелище небывалое. Загипнотизированный немецко-большевистской речью, он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравила в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством – желанием сохранить свою жизнь»¹⁶. Аналогичного мнения придерживался офицер Генерального штаба, в обязанности которого входили поездки в полки, отказывавшиеся выполнять боевые приказы. В своем докладе командованию он отмечал: «Глубокое моральное разложение... объясняется психологией малосознательных масс. Полученная свобода, обещанная земля... сделали массы солдат очень чуткими к сохранению своей жизни и, как говорят сами солдаты, выдвинули так называемый «шкурный вопрос»¹⁷.

Таким же образом рассуждал депутат Государственной Думы Н. А. Маньков, который в телеграмме на имя председателя Думы М. В. Родзянко сообщил, что в основе неподчинения нижних чинов приказам командования лежит «...животный страх смерти», который с падением дисциплины стал играть «первенствующую роль» в поведении личного состава¹⁸.

Получившая широкое распространение революционная фразеология не подкреплялась делами и никак не влияла на улучшение морально-психологического состояния войск. Так, в ходе поездки в действующую армию военного министра А. И. Гучкова солдаты 28-й и 29-й пехотных дивизий клялись идти в бой за революцию. Когда он уехал, войска «...вынесли резолюцию не наступать». На совещании в Ставке, где обсуждалось положение в армии, генерал А. И. Деникин сообщил о факте, когда он «...присутствовал при трогательной картине передачи Потийскому пехотному полку красного знамени, когда солдаты на нем клялись идти на смерть; этот же самый Потийский полк за час до

---

¹⁶ А.И. Деникин, *указ. соч.*, том 1, выпуск 2, с. 76.

¹⁷ РГВИА, фонд 2048, оп. 1, д. 1121, л. 154.

¹⁸ Гончаров В.Л. (автор – составитель), 1917. *Разложение армии* [1917. The decomposition of the army], Москва, издательство «Вече», 2010, с. 153.

наступления ушел назад за 15 верст»¹⁹.

Огромные размеры приобрело братание, до Февральской революции носившее ограниченный характер. При этом, как отмечают иностранные и отечественные исследователи, в 1917 году его организатором чаще всего являлось австро-германское командование. В ходе братаний специально подготовленные военнослужащие противника, в основном, офицеры, вели пораженческую агитацию, передавали пропагандистскую литературу и занимались сбором разведывательной информации. Следует подчеркнуть, однако, что указанные явления были характерны, главным образом, для пехотных частей, составлявших около 80% численности армии. В артиллерии, инженерных войсках и кавалерии морально-психологическая атмосфера была более здоровой.

Процесс разложения охватил все фронты, но войска Румынского фронта были затронуты им в меньшей степени. По мнению генерала Н.Н. Головина, бывшего в 1917 году начальником штаба Румынского фронта, это вызывалось его отдаленностью от революционных центров, откуда приходила «...каждая новая волна разложения армии». Быстрее всего разложение солдатских масс происходило на Северном фронте, в тылу которого находился главный очаг революции – Петроград, затем – на Западном фронте, в тылу которого находилась Москва. На Юго-Западный фронт «волны разложения» приходили позже, в то время как «...в наилучшем моральном состоянии находились... армии Румынского фронта; пребывание на территории чужого государства значительно задерживало проникновение заразы»²⁰. Аналогичное мнение высказывал начальник германского генштаба П. фон Гинденбург, отмечавший, что нежелание русских войск воевать, столь сильно сказывавшееся на северном фланге Русского фронта, к югу ослабевало, и в Румынии было почти незаметно²¹.

Следует отметить справедливость оценок этих военачальников: в российских архивах документов о разложении войск Румынского фронта многократно меньше, чем о положении дел на других фронтах.

Однако и на Румынском фронте сложилась обстановка, ранее немыслимая. Солдаты перестали подчиняться командирам, в результате

---

¹⁹ *Протокол совещания, бывшего 16 июля 1917 года в Ставке* [Protocol of conference of July, 16, 1917 is in Rate], in *Красная летопись* [Red chronicle], 1923, №6, с. 21.

²⁰ Н.Н. Головин, *Военные усилия России в мировой войне* [Russian military forces in World War], Т. 2, с. 181–182.

²¹ П. фон Гинденбург, *указ. соч.*, с. 215.

чего система управления войсками оказалась разрушенной. Во многих частях и соединениях нижние чины открыто отказывались готовиться к наступательным действиям. Например, в апреле части 2-го армейского корпуса 9-й армии отказались вести работы по сооружению наступательных плацдармов. Аналогичный случай произошел в 14-й стрелковой дивизии²².

Накануне запланированного наступления отказались занимать боевые позиции 79-я пехотная дивизия, 32-я пехотная дивизия, начались волнения в 660-м пехотном Черновицком полку 165-й пехотной дивизии, 33-м пехотном Елецком полку 9-й пехотной дивизии, 161-м пехотном Александропольском полку 16-го армейского корпуса²³.

В тот же период времени полки одной из кавалерийских дивизий 6-й армии отказались менять на позициях другую дивизию, и сделали это лишь после того, как своя артиллерия открыла предупредительный огонь по району их расположения²⁴.

Настроение солдатских масс отчетливо выражено в письме солдата 29-го армейского корпуса, входившего в состав Румынского фронта. В послании в Петроградский совет он так описывал настроение личного состава: «...солдаты... корпуса не согласны, ни под каким предлогом делать наступление...»²⁵.

В отношении офицеров начался террор. Так, в начале апреля командир 26-го армейского корпуса генерал – лейтенант Е.К. Миллер, проводивший смотр ротам, прибывшим для пополнения, приказал снять красные банты, как не соответствующие форме одежды. Это вызвало бунт, толпа арестовала генерала и отвела на гауптвахту²⁶. В этой связи помощник главнокомандующего Румынским фронтом генерал от кавалерии В. В. Сахаров доложил в Ставку, что данный факт в очередной раз подчеркнул отсутствие какой-либо власти у командного состава: офицеров оскорбляют, избивают, смещают с должностей и арестовывают.

---

²² Гончаров В.Л., указ. соч., с. 124, 141.

²³ *Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников* [Antiwar action on the Russian front in 1917, through the eyes of contemporaries], автор-составитель С.Н. Базанов, Москва, Издательский центр Института российской истории РАН, 2010, с. 160.

²⁴ *Ibid.*, с. 165 – 167.

²⁵ Солдатские письма 1917 года [Soldiers' letters 1917], подготовлены к печати О. Н. Чаадаевой, Москва-Ленинград, Госиздат, 1927, с. 77.

²⁶ РГВИА, фонд 2085, оп. 1, д. 141, л. 1.

Далее он отметил, что непринятие мер по восстановлению дисциплины ведет к «...полному разрушению военной силы, которая будет опасна уже не для врага, а для Родины». Кроме того, генерал подчеркнул, что румыны относятся к происходящему в русских войсках крайне отрицательно, и выражают опасения «... в отношении возможности продолжения союзных с нами действий»²⁷.

Доклад генерала Сахарова подтверждают документы военной цензуры. В сводках военно-цензурного отделения Румынского фронта, перлюстрировавшего сотни тысяч писем, отмечалось резкое увеличение числа «писем преступного характера», призывавших к неповиновению и расправе над офицерами²⁸. В сводке за март сделан вывод: «Солдаты видят в офицерах приверженцев старого строя, из-за этого происходят эксцессы, вплоть до арестов и оскорблений»²⁹. Характерным является случай, описанный в солдатском письме: «...ротного нашего чуть не убили. Дело вышло из-за пустяков. Ротный – Георгиевский кавалер, воюет с начала войны, был несколько раз ранен». В письмах офицеров звучит отчаяние: «Боже, что делается с солдатами. Как больно на них смотреть. Из них большая половина ровно ничего не понимает, и ими другие ворочают, как хотят. ... Я считаю, что войска нет, а лишь вооруженная толпа». В письме другого офицера говорилось: «В батальоне кавардак ужасный... только бы не избили или не убили случайно»³⁰.

Участились случаи грабежей местного населения. Например, подобное позорное деяние совершили солдаты частей 163-й пехотной дивизии (6-я армия) Румынского фронта. Более того, три из четырех полков дивизии отказались подчиняться приказу о ее расформировании, в одной из частей был арестован командир полка и другие офицеры. Дивизию удалось расформировать лишь под угрозой использования силы³¹.

Морально-психологическое состояние войск Румынского фронта к началу запланированного на 1917 год наступления начальник штаба Верховного Главнокомандующего характеризовал следующим образом:

---

²⁷ Гончаров В.Л., *указ. соч.*, с. 115.

²⁸ РГВИА, фонд 2085, оп. 1, д. 139, л. 41.

²⁹ *Ibid.*, л. 23.

³⁰ *Ibid.*, с. 33, 35, 41, 42.

³¹ Гончаров В.Л., *указ. соч.*, с.155, 156.

«На Румынском (фронте. – В.С.) особого улучшения не наблюдается, пехота наступать не желает...»³².

Подобная ситуация была на всех фронтах, поэтому начало наступления неоднократно переносилось. В конечном итоге, наносивший главный удар Юго-Западный фронт перешел в наступление 16 июня, войска Румынского фронта – 9 июля. В первые дни наступления войска Юго-Западного фронта добились некоторых успехов, прорвали позиции противника и захватили город-крепость Галич. Однако далее ход событий изменился, ввиду усиливавшегося сопротивления противника и отказов солдат выполнять приказы командования. Многие части самовольно покидали передовую и уходили в тыл. Например, когда противник начал атаку на участке южнее Броды, 607-й пехотный Млыновский полк ушел с позиции, вследствие чего отошли и соседи. Противник стал развивать успех, при этом русские войска, получив боевой приказ о поддержке атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли он выполнению. Некоторые полки отказывались выполнять приказ и уходили с позиций без всякого давления противника³³.

«Дивизии 11-й армии и частью 7-й армии бежали, под давлением в пять раз слабейшего противника..., сдаваясь в плен ротами и полками..., зарегистрированы случаи самосуда над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния..., сообщены возмутительные факты, когда дивизия отступала перед двумя ротами»³⁴.

В Галиции в ходе летних боев 1917 года погибло до 80 % офицеров, в то время как солдаты почти все ушли в тыл. Участвовавший в тех сражениях генерал Л.Г. Корнилов так описывал ситуацию: «Армия обезумевших темных людей..., потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала, с самого начала своего существования»³⁵.

---

³² *Ibid.*, с. 214.

³³ *Удар в спину* [Backstab], in Разведчик [The Scout], 1917, № 1391 – 1392, с. 411.

³⁴ *Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов* [The revolutionary movement in the Russian army. February 27 – 24 October 1917: collection of documents], с. 213.

³⁵ Цитируется по: П.Д. Бурский, *Революция и офицеры* [Revolution and officers], Москва, издательство преподавателей Московского университета, 1917, с. 13.

На Румынском фронте перед наступающими русско-румынскими войсками стояла задача разбить противника, оборонявшего населенный пункт Мэрэшти и открыть дорогу на Фокшаны. Сломив упорное сопротивление немцев, союзные войска овладели Мэрэшти, в результате чего создались благоприятные условия для преследования германских войск. Однако наступление Румынского фронта происходило в то время, когда войска Юго-Западного фронта стремительно катились назад: это создавало реальную угрозу оголения правого фланга русско-румынских войск. Дальнейшее наступление могло привести к негативным последствиям. Кроме того, в русских войсках Румынского фронта начались антивоенные выступления, что побудило командование заменить многие русские части румынскими войсками³⁶.

Учитывая сложившееся положение, 12 июля военный и морской министр А.Ф. Керенский от имени Временного правительства приостановил наступление на всех фронтах. В сложившейся ситуации румынские войска одни продолжили выполнение операции³⁷.

Воспользовавшись ситуацией, противник начал контрнаступление. Австро-германские войска удалось остановить в битве при Мэрэшешти и реке Ойтуз, где 24-29 июля происходили тяжелые бои. Румынские части оказали упорное сопротивление противнику, что не позволило вывести Румынию из войны. Что касается русских войск, то они в этих боях проявляли пассивность, нередко бежали перед противником. Командир одного из русских полков, участвовавших в тех боях, писал: «...наступали немцы в незначительных, меньших силах... Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника... Много раненых офицеров и солдат было брошено... на позиции»³⁸.

После подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова разложение армии еще более ускорило. С 1 по 30 сентября 1917 г. в действующей армии было зарегистрировано 160 случаев самовольного оставления позиций и неисполнения частями боевых и не боевых приказов³⁹, по

---

³⁶ А.П. Жилин, *Последнее наступление (июнь 1917 года)* [The last offensive (June 1917)], Москва, издательство «Наука», 1983, с. 81 – 82.

³⁷ К.А. Залесский, *указ. соч.*, с. 604.

³⁸ *Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников* [Antiwar action on the Russian front in 1917, through the eyes of contemporaries], автор-составитель С.Н. Базанов, с. 196.

³⁹ Кизрин И.Г., *указ. соч.*, с. 92-93.

подозрениям в сочувствии Л.Г. Корнилову убиты десятки офицеров. На Румынском фронте продолжались дезертирство, братания с противником, как это было, например, в 117-й пехотной дивизии, неповиновение командирам (в частях 4-й армии), отказы от работ по укреплению позиций (32-я пехотная и 165-я пехотная дивизии)⁴⁰. Иногда разложение войск проявлялось в крайних формах. Так, в 26-м стрелковом полку 7-й стрелковой дивизии Румынского фронта общее собрание полка приняло решение в окопы не идти и «работ по обороне» не производить. Начальник дивизии генерал-майор В.И. Зиборов выехал в этот полк для расследования, и был убит толпой⁴¹.

После Октябрьской революции 1917 года процессы разложения войск получили дополнительный импульс. Это вызывалось тем, что новая власть стремилась фактически и юридически ликвидировать русскую армию, как главного столпа, на котором веками зиждилась традиционная русская государственность. В этой связи В.И. Ленин писал: «Первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это – было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой»⁴².

Уже в ноябре 1917 г. официально начался процесс демобилизации армии, завершившийся к концу марта – началу апреля 1918 года. Кроме того, в нарушение международных соглашений, заключенных с союзниками по Антанте, большевистское руководство приступило к переговорам о заключении перемирия, а затем и мира со странами германского блока. 9 ноября, еще до начала официальных переговоров Совет Народных Комиссаров обратился непосредственно к войскам с предложением вступать в переговоры с противником. В Берлине стремились к выводу России из войны путем заключения сепаратного мира, поэтому к концу ноября – началу декабря локальные перемирия были заключены на всем Восточноевропейском театре войны, в том числе, на Румынском фронте. В декабре 1917 г. на переговорах в Бресте

---

⁴⁰ *Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников* [Antiwar action on the Russian front in 1917, through the eyes of contemporaries], автор-составитель С.Н. Базанов, с. 242 – 243, 246, 258 – 259.

⁴¹ РГВИА, фонд 2085, оп. 1, д. 141, л. 58, 59.

⁴² В.И. Ленин, *Пролетарская революция и ренегат Каутский* [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky], in *Полное собрание сочинений: в 55 томах* [Complete Works: in 55 volumes], издание 5-е, т. 37, с 295.

было заключено общее перемирие, а в марте 1918 года – мир со странами Четверного союза, на чрезвычайно тяжелых и невыгодных для России условиях.

Весь этот период морально-психологическое состояние русской армии продолжало оставаться на чрезвычайно низком уровне. В войсках Румынского фронта по-прежнему продолжалось дезертирство, отказы от исполнения боевых приказов, смены частей на позициях, выхода на работы и занятия. Вновь значительные размеры приняло братание, не прекращались случаи ареста офицеров, смещения их с должностей, избиений и даже убийств. В отношении прихода к власти большевиков настроение в частях и соединениях фронта было различным: одни поддерживали Октябрьскую революцию, другие выступали в поддержку Временного правительства⁴³.

В конечном итоге, еще не демобилизованные остатки армии оказались полностью небоеспособными. В ходе германского наступления в феврале 1918 года, вызванного отказом советской делегации подписывать мирный договор на невыгодных условиях, противостоять противнику было некому. Отдельные части старой армии, еще остававшиеся на позициях, не представляли собой реальной боевой силы: управление войсками отсутствовало, разложение личного состава дошло до крайней степени. Что касается формировавшейся Красной Армии, то ее численность была совершенно недостаточна: к весне 1918 года в ней состояло лишь около 70 000 добровольцев. Это составляло примерно 1% личного состава, находившегося в действующей армии осенью 1917 года⁴⁴.

В.И. Ленин так характеризовал состояние армии в период немецкого наступления в феврале 1918 года: «...мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве»⁴⁵.

---

⁴³ *Сводка сведений о настроении в частях Румынского фронта. 8 ноября* (Summary information about Configured in Part Romanian front. November 8), in *Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сборник документов* [The October Revolution and the army. October 25, 1917 – March, 1918: collection of documents], с. 71 – 79.

⁴⁴ С.Н. Базанов, *Великая война: как погибала Русская армия* [The Great War: as a dying Russian army], с. 334.

⁴⁵ В.И. Ленин, *Тяжелый, но необходимый урок* [Hard, but necessary lesson], in Полное

К вопросу о факторах, влиявших на снижение морально-психологического потенциала русской армии в 1917 году

Стремительное разложение войск, еще в первые годы мировой войны отличавшихся высоким боевым духом и стойкостью в бою, было не случайным. Причинами тому явились негативные процессы в политической, экономической, идеологической и духовно-нравственной сферах жизни общества и армии. Первая мировая война послужила своего рода катализатором этих процессов, резко усилила их деструктивное влияние. Кроме того, свою роль сыграли некоторые внешние факторы, например, массированная германская пропаганда, направленная на принуждение России к сепаратному миру.

Главную роль в беспрецедентном разложении армии сыграли внутренние причины. Рамки статьи не позволяют рассмотреть каждую из них, поэтому автор остановится лишь на одной, самым непосредственным образом, влиявшей на моральное состояние армии – действиях новых властей в вопросе организации внутриармейской жизни.

Практически сразу после Февральской революции от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был опубликован приказ № 1 от 2 марта 1917 года. Небольшой по объему документ содержал положения, разрушавшие важнейший принцип строительства вооруженных сил – единоначалие. Так, в подразделениях и частях требовалось «...выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов»; вскоре комитеты были наделены управленческими функциями. Оружие должно было находиться в их распоряжении, выдача его офицерам запрещалась. Предусматривалась возможность политических выступлений воинских частей, в ходе которых они обязывались подчиняться Петроградскому Совету. Обо всех конфликтах между офицерами и солдатами последние должны были сообщать в ротные комитеты⁴⁶.

Приказ №1 был отпечатан тиражом в 9 миллионов экземпляров, и разослан как в войска Петроградского гарнизона, так и в действующую

собрание сочинений: в 55 томах [Complete Works: in 55 volumes], издание 5-е, т. 35, с. 394.

⁴⁶ Эйдеман Р., Меликов В., *Армия в 1917 году* [Army in 1917], Москва – Ленинград, Государственное издательство, 1927, с. 39 – 40.

армию⁴⁷. Последовавшее через несколько дней заявление властей о действии приказа только в границах Петроградского военного округа последствий не имело и не повлияло на ход событий, вызванных его появлением.

6 марта 1917 г. Временное правительство объявило общую политическую амнистию, которая вскоре была распространена на деяния, предусмотренные военными и военно-морскими уголовными законами⁴⁸. Вскоре вступило в силу постановление о повсеместной отмене смертной казни, в том числе за убийство командира, измену, побег к неприятелю, уход с поля боя и другие воинские преступления. Несмотря на то, что летом 1917 года за наиболее тяжелые воинские преступления смертная казнь была восстановлена, в действительности она практически не применялась: смертные приговоры вызывали массовые беспорядки в частях, отчего командование и военные суды опасались брать на себя ответственность.

В конце марта специальным приказом было объявлено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». Во многом оно дублировало приказ №1, но, кроме того, здесь излагалась организация всей системы комитетов в вооруженных силах. Ротные комитеты, как наиболее многочисленные должны были являться «посредниками между ротным командиром и солдатами во всех вопросах внутреннего быта роты...». Боевые вопросы обсуждению не подлежали, но в «...случае злоупотреблений ...комитеты должны немедленно и совершенно секретно извещать полковой комитет...»⁴⁹. Что понимать под злоупотреблениями, в приказе не указывалось. Как показали дальнейшие события, это предоставило возможность относить к ним любые намерения и действия командования, в том числе, меры по сохранению боеспособности войск и выполнению боевых задач.

---

⁴⁷ Верховский А.И., *На трудном перевале* [On a difficult pass], Москва, Воениздат, 1959, с. 207.

⁴⁸ *Приказ Верховного Главнокомандующего от 15 мая № 284* [Supreme Commander of the Order of May 15, number 284], in Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год [The orders of the Supreme Commander for 1917], библиотека Национального исторического архива Беларуси (*infra* НИАБ) [Library of the National Historical Archives of Belarus], инвентарный № 14994, нумерация страниц отсутствует.

⁴⁹ *Приказ Верховного Главнокомандующего от 30 марта № 51* [Supreme Commander of the Order of March 30, number 51], in *ibid.*, нумерация страниц отсутствует.

В апреле военное ведомство издало приказ, указывавший, что комитеты имели право наблюдать за поддержанием дисциплины и порядка в своих частях, контролировать хозяйственную деятельность, принимать меры «против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц своей части»⁵⁰.

Число комитетов только в действующей армии достигло почти 50 000⁵¹, что позволило им оказывать решающее влияние на жизнь и деятельность войск. Роль командного состава фактически оказалась сведенной к минимуму. Так, на основе анализа солдатских и офицерских писем, проведенного военной цензурой, был сделан вывод: «Офицеры в громадном большинстве растерялись и потеряли возможность приказывать даже в боевой обстановке»⁵².

17 мая А.Ф. Керенский, ставший военным и морским министром, утвердил так называемую «декларацию прав солдата», вскоре введенную в действие специальным приказом Верховного Главнокомандующего. В соответствии с этим документом каждый военнослужащий мог быть членом любой политической, национальной, религиозной организации, имел право открыто высказывать устно или в печати свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды⁵³.

В условиях военного времени, когда в стране действовало множество конкурировавших и даже враждовавших между собой партий, когда активизировались националистические и сепаратистские движения, это означало развал армии, противопоставление военнослужащих друг другу по идеологическим, этническим и иным признакам. Этим же приказом

---

⁵⁰ Приказ по военному ведомству от 16 апреля № 213 [Order of the Defense Ministry on April 16, number 213], in Приказы по военному ведомству за 1917 год [Orders for the Defense Ministry for 1917], библиотека НИАБ [Library of the National Historical Archives of Belarus], инвентарный № 14971, с. 189 – 190.

⁵¹ П.А. Голуб, *Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918* [The party, the army and the revolution. Reconquest of the Bolshevik Party of the army on the side of the revolution. March 1917 – February 1918], Москва, Издательство политической литературы, 1967, с. 33.

⁵² РГВИА, фонд 2048, оп. 1, д. 905, л. 54 об.

⁵³ Приказ Верховного Главнокомандующего от 17 мая № 293 [Supreme Commander of the Order of May 17, number 293], in Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год [The orders of the Supreme Commander for 1917], библиотека НИАБ [Library of the National Historical Archives of Belarus], инвентарный № 14994, нумерация страниц отсутствует.

начальники были лишены права наложения дисциплинарных взысканий на подчиненных и отменено даже внешнее проявление уважения к старшим по чину – обязательное отдавание воинской чести⁵⁴.

Современник отмечал: «Эта «декларация прав», давшая законное признание тем большим явлениям, которые распространились в армии... окончательно подорвала все устои... Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она... отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишний раз, в торжественной форме... унизила и оскорбила их»⁵⁵.

Свою лепту в разложение армии вносила революционная литература, в больших количествах поступавшая в войска. Командование отмечало: «...масса всякого рода литературы, хлынувшей в армию, ... воззвания и приказы советов рабочих и солдатских депутатов приносят громадный вред, так как отвлекают части от боевого дела и расшатывают их потому, что масса солдат... принимает на веру и усваивает и з прочитанного лишь то, что ей в данный момент нравится»⁵⁶.

Среди прочих революционных партий, активную пропаганду в войсках вели большевики, но не они были главной причиной распада армии. Главнокомандующий армиями Западного фронта А.И. Деникин в письме на имя Верховного Главнокомандующего А.А. Брусилова писал: «Позволяю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благоприятную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме. Причины развала совершенно определены: полное упразднение дисциплины и внутреннего порядка в войсках; оплевание офицерского состава...безнаказанность тягчайших преступлений – бунта, измены...». Несколько позже он отметил: «Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени,

---

⁵⁴ Приказ Верховного Главнокомандующего от 17 мая № 293 [Supreme Commander of the Order of May 17, number 293], in *ibid.*, нумерация страниц отсутствует.

⁵⁵ А.И. Деникин, *указ. соч.*, том 1, выпуск 2, с. 46.

⁵⁶ *Разложение армии в 1917 году: сборник документов* [The decomposition of the army in 1917: collection of documents], С. 27.

люди, не понимающие быта и условий существования армии»⁵⁷. Так же считал и сам А.А. Брусилов: «Вина большевиков в развале армии есть, ... но ...главная причина все-таки кроется в разрушении старой воинской дисциплины»⁵⁸.

Подобным образом рассуждали и военачальники менее высокого ранга. Например, начальник 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А.К. Байов в донесении командиру 9-го армейского корпуса писал: «Пропаганда большевиков, вместе с немецким провокаторством не является основной причиной той разрухи, того совершенного развала армии, который мы наблюдаем теперь. Эта пропаганда – лишь последний толчок...». Главной причиной развала армии генерал назвал «демократизацию» армии, которая «... в корне противоречит природе вещей, не согласуется с историческим опытом и не имеет под собой никакого научного основания»⁵⁹.

После Октябрьской революции были приняты законодательные акты, окончательно уничтожившие армейские устои. 30 ноября председатель военно-революционного комитета при Ставке Верховного Главнокомандующего А. Ф. Боярский подписал приказ, передававший всю полноту власти в войсках соответствующим солдатским комитетам. Комитеты могли смещать командиров на низшие должности, вплоть до рядового; офицерские чины, звания и ордена упразднялись. Ношение наград и погон отменялось, вводилась выборность командного состава; те из бывших офицеров, кто увольнялся в отставку, и те, кто был уволен ранее, пенсии за службу не получали; потерявшие трудоспособность поступали в ведение органов государственного призрения⁶⁰.

16 декабря был принят декрет Совнаркома об уравнивании всех военнослужащих в правах, отчасти дублировавший приказ А.Ф. Боярского. В частности, декрет гласил: «Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии». Кроме того, в

---

⁵⁷ *Красная летопись*, 1923, №6, с. 12, 24.

⁵⁸ П.Д. Бурский, *указ. соч.*, с. 15.

⁵⁹ *Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года: сборник документов* [The revolutionary movement in the Russian army. February 27 – 24 October 1917: collection of documents], с. 265.

⁶⁰ РГВИА, фонд 2067, оп. 2, д. 213, л. 223.

документе отмечалось, что наряду «с уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации», еще раз подчеркивалась отмена «всех орденов и прочих знаков отличия...»⁶¹.

В тот же день 16 декабря был принят еще один декрет Совнаркома – о выборном начале и об организации власти в армии. В документе, в числе прочего, вновь указывалось, что «вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и Советам». Кроме того, декрет придавал законный статус выборам командиров. «Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры до полкового включительно избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры выше полкового, до верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах»⁶².

Однако ликвидацией корпуса офицеров дело не ограничилось. В течение нескольких месяцев была произведена демобилизация всей старой армии и ликвидированы органы военного управления, в том числе, Ставка. В результате русская армия прекратила свое существование. На повестку дня был поставлен вопрос о создании новой армии на добровольных началах.

Заключение

Таким образом, русская армия, традиционно отличавшаяся высоким боевым духом и стойкостью в бою, в кратчайшие сроки превратилась в неуправляемые толпы вооруженных людей и перестала являться частью политической системы государства. Представляется, что масштаб и глубина разложения армии той поры являются беспрецедентными, не имеющими аналогов в мировой истории. Безусловно, подобные скачкообразные изменения были бы невозможны без влияния ряда фундаментальных факторов политического и социально-экономического характера, действовавших длительное время и оказавших значительное

---

⁶¹ Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах [Decree on the equation of all troops rights], in *Декреты Советской власти* [The decrees of Soviet power], Москва, Государственное издательство политической литературы, 1957, том 1, с. 243.

⁶² Декрет о выборном начале и об организации власти в армии [The decree on the election and the beginning of the organization of power in the army], in *ibid.*, с. 244.

влияние на настроения солдатских масс. В то же время, важную роль в морально-психологической деградации армии сыграл духовно-нравственный кризис, в котором оказалось российское общество конца XIX – начала XX веков. Активная деятельность революционных партий радикального толка, которые поддерживала значительная часть населения страны, усиление влияния либеральной идеологии в правительстве и Государственной Думе, беспринципность чиновничества, ослабление роли традиционных нравственных ценностей в обществе – все это не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии армии.

Моральному разложению подверглась большая часть русских войск, на всех фронтах, в том числе на Румынском фронте. Несмотря на то, что в первые месяцы 1917 года масштабы разложения здесь были меньшими, чем на других фронтах, моральный дух и боеспособность русских войск совершенно не соответствовали требованиям военного времени. Особенно заметно это стало в ходе попытки наступления русской армии летом 1917 года, на фоне действий входивших в состав фронта румынских войск, проявивших стойкость и мужество в боях с противником. В последующие месяцы, вплоть до фактической и юридической ликвидации русской армии, ситуация оставалась такой же.